

максим семеляк

« л е н и н г р а д »

н е в е р о я т н а я

и п р а в д и в а я и с т о р и я

Автор: Максим Семеляк

Фото на обложке: Матильда Шнурова
Дизайн и верстка: Игорь Можейко
Ответственный редактор: Татьяна Коробкина
Ретушь: Жанна Галай

Содержание

ОТ АВТОРА	4
СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ	6
ВМЕСТО ПРОЛОГА	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой впервые устанавливается связь между ухом Ван Гога, Аркадием Северным и буквой «Ы»	12
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой группа обретает голос и записывает поворотный, точнее, бесповоротный альбом	48
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой «Ленинград» переживает бум и превращается в мем	90
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой группа попадает в затруднительное положение и обрastaет новыми людьми	134
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой «Ленинград» играет словами «бумер», «бабаробот» и «брендреализм»	164
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой группа «Ленинград» в очередной раз не понимает, что ей делать дальше	198
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой мы наблюдаем за спящим Шнуровым и приходим к опрометчивым выводам	230
ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ЭПИЛОГ	236
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой «Ленинград» распадается, собирается, дифференцируется и окончательно канонизируется	240
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, в которой нет ни слова о группе «Ленинград»	278

Эта книжка была написана десять лет назад. Реквием не планировался, однако же я постарался протащить туда то поверхностное ощущение, которое лучше описать стихами Кушнера: "А песенки у них уже конгаются". Ощущение оправдалось — группа "Ленинград" вскоре была распущена. С тех пор в стране много чегостряслось — умерли люди, принимавшие участие в этой книге: Егор Летов, Иван Дыховичный; отменились старые порядки, мир развернулся и закрутился по таким неведомым парабалам, что группировка "Ленинград" осталась едва ли не единственным залогом целостности и сохранности.

В этом году возрожденному "Ленинграду" исполняется 20 лет. Но песенки этой группы не то что не конгаются, а наоборот, как и было предсказано, в воздухе летают и бешено орут. Я добавил в старую книгу дюжину забытых сюжетов, дописал пару глав, прошелся условно свежим взглядом, но признаюсь сразу: подобно тому как эта история не была закончена десять лет назад, так, конечно же, она не конгается и теперь. Ведь "Ленинград" — это некая временная петля, мы в кои веки послушаем эти песни и обнулимся вновь, и только впереди, перед нулем, нас будет ждать, как таксист, незаметная и необязательная, в сущности, цифра 1, 2, 3... Поэтому, если вы хотите прочесть всю правду про группировку, постарайтесь как минимум дождаться ее тридцатилетия.

А пока — как говорят за кулисами "Ленинграда" — так. *МС*

Свидетелей не выбирают

Сергей Шнуров — лидер группы
«Ленинград»

Игорь Вдовин — музыкант,
композитор, экс-вокалист группы
«Ленинград»

Всеволод «Севыч» Антонов —
перкуSSIONист «Ленинграда»

Александр «Сашко» Привалов —
экс-трубач «Ленинграда»

Дмитрий Борисов — ресторатор,
первый импровизированный продюсер
«Ленинграда»

Илья Бортнюк — один из ключевых
питерских музыкальных промоутеров

Андрей «Андромедыч» Антоненко — музыкант и аранжировщик
«Ленинграда»

Алина Крупнова — продюсер,
организатор первых концертов
«Ленинграда»

Стас Барецкий — поэт и шоумен
группы в 2006–2008 гг.

Иван Дыховичный — кинорежиссер

Леонид Федоров — лидер группы
«Аукцыон»

Иван Лебедев — монтажер
(в частности, фильма «Бумер»)

Борис Гребенщиков — лидер
группы «Аквариум»

Алексей Зимин — журналист,
ресторатор

Дмитрий Ицкович — издатель,
продюсер первого альбома
«Ленинграда»

Егор Летов — лидер группы
«Гражданская оборона»

Роман Парыгин — трубач
«Ленинграда»

Алексей Канев — саксофонист
«Ленинграда»

Митя Мельников — бывший
барабаник «Ленинграда»

Юрий Сапрыкин — публицист,
главный редактор «Афиши»
в середине нулевых

Евгения Федоровская — дизайнер,
хозяйка квартиры на Бауманской,
где на рубеже 90-х – нулевых
квартировала значительная часть
группировки

Борис Хлебников — кинорежиссер,
автор клипов «Ленинграда»; Шнуров
снимался в его фильме «Пока
ночь не разлучит нас»

Мартин Жак — музыкант, лидер
группы The Tiger Lillies

Александр «Пузо» Попов — музыкант
группы «Ленинград»

Михаил Ефремов — актер

Глеб Владиславлев — менеджер
среднего звена, близкий друг группы
на первых порах ее существования

Алексей Казаков — телепродюсер

Земфира Рамазанова — певица

Олег Гитаркин — музыкант, лидер
группы Messer Chups

Дмитрий «Демыч» Беляев — церковный сторож,
старейший друг

Шнуурова
Сергей Сонин — художник, основатель
товарищества «Свинец
и кобальт»

Дмитрий Ткачев — журналист

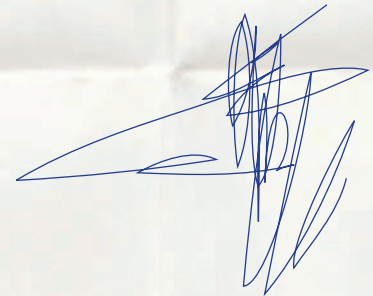
Михаил Трофименков — киновед

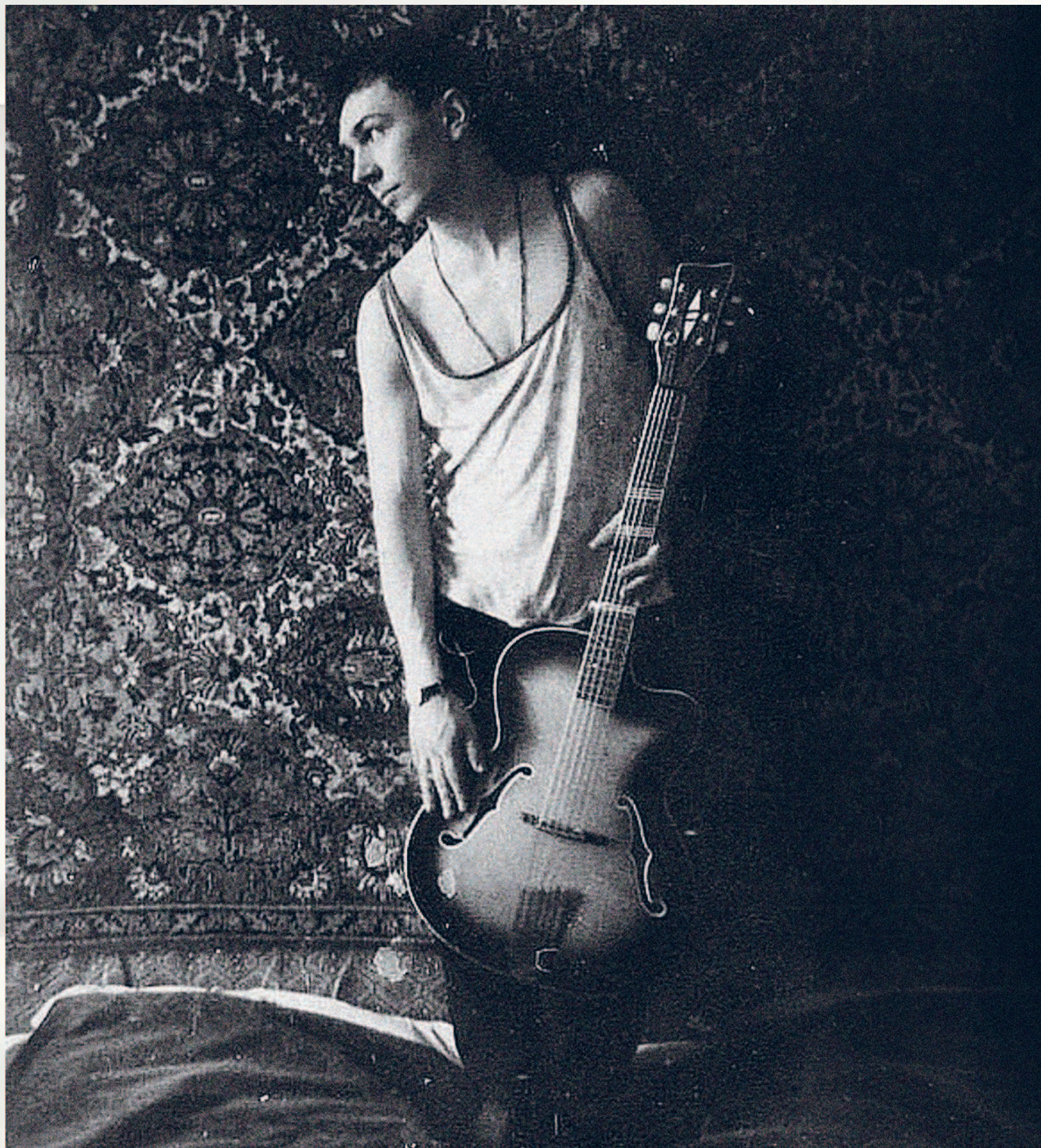
Лида Федорова — продюсер

Константин Мурзенко — актер, сценарист, режиссер
 Ира Седова — арт-директор клуба «Китайский летчик»
 Василий Уткин — спортивный журналист
 Анна Черниговская — издатель
 Андрей Карагодин — садовник, историк
 Гарик Осипов — певец, писатель
 Борис Симонов — хозяин музыкального магазина «Трансильвания»
 Денис «Вейч» Вейко — директор группы «Ленинград»
 Матильда Шнурова — муза
 Авдотья Смирнова — кинорежиссер, президент фонда «Выход»
 Кюлле Писпанен — журналист, пресс-секретарь Михаила Ходорковского
 Оксана Бычкова — кинорежиссер
 Юлия Кернер — журналист и очевидец
 Алексей «Микшер» Калинин — барабаник исторических питерских групп, в том числе и «Ленинграда»
 Евгений Лаврентьев — кинорежиссер, в его фильме «Личный номер» звучит написанная по заказу песня Шнурова
 Сергей «Обобо» Бакалов — фотограф, близкий друг группы на раннем этапе
 Артемий Троицкий — журналист
 Лев Лурье — историк

Денис Рубин — первый директор группы «Ленинград»
 Илья Ценципер — основатель журнала «Афиша», культуртрегер и предприниматель
 Дмитрий Ольшанский — писатель, в его квартире, переоборудованной под клуб, «Ленинград» зимой 98-го года выступил в Москве
 Константин «Лимон» Лимонов — гитарист «Ленинграда»
 Денис «Дэнс» Можин — звукорежиссер и барабаник «Ленинграда»
 Паша Павлик — дизайнер и ближайший друг группы
 Юлия Коган — певица
 Алексей Певчев — журналист
 Олеся Поташинская — актриса
 Александр Айдакин — звукорежиссер
 Денис «Кощей» Купцов — экс-барабаник «Ленинграда»
 Роман Грузов — художник, журналист, участник группы «Речники»
 Ольга Сальникова — журналист
 Роман «Ромеро» Фокин — экс-саксофонист группы «Ленинград»
 Михаил Рябчиков — арт-директор клуба «Вермель»
 Алексей Исаков — полковник МВД и друг с «доленинградских» времен
 Николай Охотин — издатель
 Станислав Ф. Ростозкий — кинокритик
 Светлана «Колибаба» Шестерикова — певица, звезда проекта «Три дебила»

Андрей Васильев — журналист, бывший главред «Коммерсанта»
 Ник Рок-н-ролл — праотец отечественного панк-рока
 Анна Маграчева — подруга группы
 Александр Зарайский — друг группы
 Андраш Фекете — фотограф
 Вера Рейхет — филолог-преподаватель, бывшая жена Севыча
 Маша Федоренко — музыкант, журналист, режиссер
 Сергей Стишов — искусствовед
 Григорий Зонтов — саксофонист группы «Ленинград»
 Марта Хромова-Борисова — корректор
 Андрей Денисов — журналист
 Андрей «Дед» Кураев — бас-гитарист «Ленинграда»
 Илья «Пианист» Рогачевский — пианист «Ленинграда»
 Дмитрий Степанов — руководитель департамента маркетинга компании Yandex, ранее организатор «Пикник "Афиши"».

Вместо пролога

«Наша матушка Россия всему свету га-ла-ва!» — запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и казалось, по степи на тяжелых колесах покати́лась сама глупость.

Антон Чехов

Летними вечерами — часов в шесть-семь-восемь, когда средняя скорость человека превышает автомобильную, а в воздухе виснет стеклянная офисная усталость, Тверская улица становится особенно неинтересной. Глазу есть по чему скользить, но не на чем задержаться. Кругом все столь же ярко, сколь и нелюбопытно, исправно, но неудивительно. Побирušки со стажем привычно требу́ют свое, покинутые машины готовятся к принудитель-

ной эвакуации, малочисленные сектанты распевают нудные евангельские рок-н-роллы, понурым мавзолеем высится отель «Ритц-Карлтон», и кажется, что сама жизнь застыла в бессмысленном оцепенении. Застыла не без удовольствия.

Как раз таким летним вечером — часов в шесть-семь-восемь — на Тверскую выскочил невысокий бородатый человек в голубой рубашке. Он выбрался из машины, в которой больше не было никакого смысла,

и пошел вверх по улице, по направлению к Пушкинской площади. В руке у человека был жбанчик «Редбулла», а за шиворотом торчали два крупных флага Российской Федерации — такие могли бы висеть на домах в государственный праздник. Налетевший ветер делал их похожими на крылья, а их обладателя — на, соответственно, ангела. Человек покрикивал что-то про нанотехнологии и смеялся.

Хмельной пустяк неувлимым образом всколыхнул улицу. Машины зашевелились в своем неповоротливом потоке. Прохожие задвигались резче, завертели головами. Рассеянное внимание Тверской сошло на точку всеобщего интереса, и эта точка быстрым шагом двигалась в мою сторону, пока не достигла арки Большого Гнезниковского переулка, где я и пожал человека с крыльями свободную от «Редбулла» руку.

Ходить по Тверской с пьяным, да еще и окрыленным Сергеем Шнуровым было непросто, и я предложил ему укрыться от уличных почитателей в «Пушкине». Сев за стол, Шнуров первым делом потребовал стакан «Амаретто». «Амаретто» не оказалось. Пришлось ему взять какой-то равновеликой по мерзости клюквенной настойки (была у Шнурова эта страсть к диким напиткам типа Asti Cinzano). Крылья по-прежнему торчали у него за спиной. В помещении они смотрелись неважно, пожухло, он это немедленно почувствовал и тут же затеял новую игру. Он попросил у официанта вазу и, вытащив, наконец, из-за спины свои штандарты, пояснил: «Цветочки поставить». Его послушали. Официант притащил огромную вазу, начал расставлять в ней то, что Шнуров нарек цветами. Происходящее стало очень похоже на финальную часть антониониевского «Фотоувеличения». (Я, надо сказать, уже как-то попадал в пространство этого фильма в связи с «Ленинградом» — несколько лет назад утащил с концерта черенок разбитого стратокастера.) После обеда Шнур настоял, чтобы я взял один из цветков домой. Я пробовал отмахнуться, но спорить с ним в таком состоянии, как правило, не имеет смысла.

Пробираясь между столиками с этим дурацким крылом-цветком, я думал о боевом искусстве наглядности, которым этот человек, будучи ангелом и пугалом в одном лице, овладел в совершенстве. Шнур

всегда работал только с самыми очевидными и нескрываемыми вещами, будь то мат, алкоголь или вот знамя. Он умел создавать такие условия, при которых из ругательства получалась песня, из карточки для метро — медиатор, из флага — крыло, из телефонного зуммера — мелодия на миллион долларов, а из чужой музыки — собственная. Я бы не сказал, что он брал то, что плохо лежит. Наоборот. Секрет как раз и заключался в отсутствии секрета — Шнуров брал только то, что лежит очень и очень хорошо. Лишь то, на что имеет право каждый. Ну, как на флаг. Или на алкоголь. Или на мат. Шнуров, в сущности, ничего не изобрел. Но он дал всем этим простым и подручным вещам свою фамилию, обозначил биологическое родство и стал в некотором роде хозяином положения.

Дома я вытащил из кармана пухлую флешку, обтянутую толстым слоем голубой резины, — Шнуров сунул мне новый альбом «Ленинграда». Спустя несколько месяцев он будет снабжен веселой растленной картинкой, разойдется под названием «Аврора» и станет своеобразным символом возрождения группы в ее первоизданной прыти и дичи. Я начал слушать. Первой песней шла «Музыка для мужика».

На следующее утро я позвонил Шнурову и сказал, что «Музыка для мужика» — неплохое название для альбома (тогда он еще никак не назывался). Шнуров особого энтузиазма не выказал — он вообще редко вдохновлялся сторонними наблюдениями на собственный счет. Я подумал: «Тогда я забираю название себе».

В довершение всего, повертев флешку в руках, я обнаружил, что на ней тоже изображен ангел. Он был улыбчивый, расписной и мордастый.

**ШНУРОВ,
В СУЩНОСТИ,
НИЧЕГО
НЕ ИЗОБРЕЛ.
НО ОН ДАЛ
ВСЕМ ЭТИМ
ПРОСТЫМ
И ПОДРУЧНЫМ
ВЕЩАМ СВОЮ
ФАМИЛИЮ**

Глава первая

в которой впервые устанавливается связь между ухом Ван Гога, Аркадием Северным и буквой «БІ»

В тот день Ник Кейв потребовал себе героин в гримерку Дворца культуры имени Горбунова, его тогдашний гитарист Бликса Баргельд изобразил подобие чечетки на крыше чужого «Мерседеса», припаркованного у клуба «Четыре комнаты», а я впервые услышал о существовании группы «Ленинград».

Я полулежал на заднем сиденье рывками движущихся «Жигулей», отхлебывал из бутылки и вполуха слушал то, что нес рыжий повеса, похожий на подсолнух, который неделю простоял на прокуренной кухне. Подсолнух сидел впереди, его звали Митя Борисов, и он проталкивал мысли насчет новой команды по имени «Ленинград». Он говорил, что они из Питера; что они играют шумно, пьяно, матерно и весело; что их в группе очень много; что песни в ней пишет некий Шнуров, а поет их какой-то Вдовин. С его слов вышло, что уже осенью «Ленинград» превзойдет всех и вся. Борисов старательно избегал слова «блатняк», взамен оперируя скользким термином «городской шансон». Ехали мы на концерт Ника Кейва.

Я Подсолнуху не слишком верил, хотя и знал его неплохо — Борисов с середины девяностых вел дела импровизированной продюсерской конторы под названием «БІ», которая в основном занималась организацией московских концертов группы «Аукцион». Летом 96-го года Борисов устроил в бассейне «Чайка» под эгидой французского посольства довольно шумное празднование Дня взятия Бастилии. Я там работал охранником — так и познакомились.

Карьера секьюрити как-то не задалась, и я решил переквалифицироваться в музыкальные критики. Провернуть это было довольно несложно, поскольку уровень здешней музыкальной журналистики в те годы был даже плачевнее, чем состояние собственно музыки. Уже спустя год Борисов нахваливал мне питерскую же группу «Маркшейдер Кунст», которая пела про то, что деньги — это придуманный способ обмана. То была неплохая, но довольно ограниченная в своем увеселительном тоне музыка — босяцкий подгон в сочетании с афробитом. Там был грув, но не было драй-

ва, и в результате выходила вполне резервационная история для каких-то неведомых «своих».

Я подумал, что «Ленинград» скорее всего станет очередной аберрацией «Ъ» — та же резервация, только не про раста, а про искомый городской шансон. Меж тем резерваций тогда решительно не хотелось. Хотелось, напротив, какого-нибудь массового помещательства. Я поехал тем летом с группой «Мумий Тролль» по Приморью, и мне ужасно понравились все эти автобусы, раскачиваемые обезумевшими девчонками, принципиально стадионные концерты и прочие атрибуты, наделяющие самую пустоголовую рок-музыку хоть каким-нибудь смыслом. Тема крупномасштабного успеха тогда вообще витала в воздухе. Даже издательство Ad Marginem переключилось с французских интеллектуалов на русских брендмейкеров — уже пошли в тираж Сорокин и Баян Шириянов, но еще не дошли руки до Проханова. Эра «Ома» с его переводной журналистикой и краденными картинками Терри Ричардсона благополучно завершилась, более оригинальный «Птюч» тоже притих, эпоха журнала «Афиша» еще не наступила — поэтому почитывали в основном «Русский телеграф» и русский Интернет. В Сети наиболее забавным чтивом были сардонические трактаты математика Михаила Вербицкого, главного возмутителя спокойствия тогдашнего Рунета.

Опоздавшая молодежь слушала easy listening в различных его проявлениях — как раз вышел первый альбом Air, который придал коллекционной, в сущности, истории легитимную актуальность. Принудительная легкость и сладкая безосновательность этой музыки неплохо сочетались с подозрительно крепким статусом рубля и затишьем в Чечне. Для более вездливых эстетов, неформалов и просто сумасшедших неувядающей ценностью располагала радиопередача «Трансильвания беспокоит». Ее автор, божественный запорожский шиз Гарик Осипов, был, наверное, самой недооцененной фигурой второй половины местных девяностых — именно он заморочил всем голову на предмет Аркадия Северного, Кости Беляева, Владимира Шандрикова и Александра Шеваловского, гениально увязав неухоженных блатарей с шустрой итальянской эстрадой, крошечным помп-роком, австрийским

дарквейвом и саундтреком к кинокартине Vampiros Lesbos. Вся же дозволенная и абсолютно неинтересная рок-альтернатива тогда так или иначе группировалась вокруг конторы FEELEE. FEELEE на законных основаниях распространяли пластинки Mute и еще живого тогда World Serpent Distribution, а на должность главной русской рок-группы прочили Tequilajazzz, группу неплохую, но смертельно скучную. Хотя вопрос тогда вообще нужно было ставить не так. Не — «кого назначить главной русской рок-группой?», а скорее — «кому эти русские рок-группы вообще нужны?». В самом деле, англо-, франко- и даже германоязычный мир поставил такое количество занятых пластинок (от построка до того же лаунжа), что всерьез заинтересовать кого-либо записями, например, группы «Deadушки» представлялось делом загадочным и как минимум неблагодарным.

Мы ехали и ехали на этих «Жигулях»; длинный летний день 98-го года никак не мог кончиться, каждую минуту было что-то сказано, каждый час происходило нечто. Но мне все-таки запомнилась именно история про «Ленинград». Непристойности вообще врезаются в память сильнее — вполне по правилам древнеримской риторики.

Месяц спустя Борисов позвонил мне и попросил тем или иным образом воспеть коллектив. Я обрадовался предложению, поскольку мне совершенно нечем было заполнить полосу журнала Show, который мы тогда творили вместе с Зиминим, Росточким и Казаковым под руководством Осколкова-Ценципера И.В. Продвижением проекта занимался удивительный человек Дмитрий Ханкин (кстати, именно ему принадлежал «Мерседес», на котором плясал Бликса Баргельд). Тот факт, что ни одной песни «Ленинграда» я не слышал, меня не слишком смущал. С восторженных борисовских слов я за десять, что ли, минут сочинил первый в истории текст о группе. Вот он:

«Ленинград» — представители независимой клубной сцены города Питера — готовят к выпуску дебютный альбом. Попытки раскрутки подобных коллективов (например, «Маркшейдер Кунст») до сих пор успеха не имели. У «Ленинграда» есть шансы стать исключением из правил. На сегодняшний

день группа покончила с мастерингом 24 песен для диска «Пуля». Снимаются два клипа. Группе помогает лидер «Аукциона» Леонид Федоров (иногда он выступает на концертах «Ленинграда»: играет на гитаре и поет песню «Таня»). Недавно «Ленинград» прекратил сотрудничество с «Шок рекордз» и теперь работает с продюсерской группой «Ы». «Ленинград», образованный десятком профессиональных музыкантов в 1997 году, играет «ретро-шансон-фолк-панк», лихую плясовую музыку с матерком — нечто среднее между Томом Уэйтсом, группой Rogues и Аркадием Северным».

Этот идиотское, а впрочем, вполне провидческое сочинение было проиллюстрировано даже не фотографией собственно исполнителей «ретро-шансон-фолк-панка», а почему-то черно-белым изображением Исаакиевского, кажется, собора. Не думаю, впрочем, что эта публикация сильно поспособствовала продвижению группы «Ленинград», поскольку буквально через неделю-другую после комической презентации в ресторане «Театро» производство журнала Show было резко приостановлено в связи с обрушившимся дефолтом. Руководство издания истерически засобиралось в Прагу (это было популярное поветрие среди тех, кто успел хоть что-нибудь заработать). Мы с Зиминим ничего заработать не успели, поэтому в дни кризиса часами сидели на лавочках в районе метро «Маяковская», пили пиво, слушали группу «Адаптация» и от нечего делать украдкой следили за передвижениями видного метафизика Александра Дугина, который жил в соседнем дворе и катался на «Опеле».

Денег на новые пластинки у меня не было, и от нечего делать я стал слушать разнообразный отечественный скарб, который скопился у меня за последний год. В конце концов руки дошли до пилотной пластинки группы «Ленинград» под названием «Пуля». Она, в общем, подтвердила мои опасения насчет резервации. «Пуля» производила впечатление чего-то одновременно и забродившего, и выдохшегося. Определенная ферментация чувствовалась, но ее категорически не хватало. «Пуля», разумеется, была довольно тонкой работой, в некотором смысле даже эталоном блатного

декаданса. Однако червоточины преобладали над спелостью, а в этом жанре такое было равносильно гибели.

От группы «Ленинград» вообще и от «Пули» в частности воротили нос те, кто посчитал ее неумолимым блатняком. На самом же деле моя проблема с «Пулей» заключалась в обратном. Пластинка, несмотря весь свой на мат и понт, буквально сочилась тем, что впоследствии получит гадкое название «шансон с человеческим лицом». Стилизованная ушлость шансона, присущая «Пуле», никак не вязалась с моими тогдашними пристрастиями, продиктованными, разумеется, Гариком Осиповым (Северный, Шеваловский etc.).

Вообще, любые стилизации на тему советского дворового прошлого были совершенно не ко времени. Назревали натовские бомбардировки Сербии, через каких-то полгода председатель правительства Примаков прямо в воздухе развернет самолет, летящий в Америку, и тогда уже нешуточно запахнет настоящей войной — вплоть до записи добровольцев. «Русский телеграф» закрыли — он так и остался последней газетой мечты, то есть такой, где платили непомерные деньги за искусства в форме передовиц. Мой приятель, выходец с философского факультета МГУ по прозвищу Штаубе, в те дни писал мне так: «Это, несомненно, Конец девяностых, обрекающий нас с Вами, драгоценный друг, на последующее воспроизведение способа жизни, известного как «диссидентский», разумеется, в пародийном варианте. Шестидесятые, девяностые, иные оттепели недолговечны и обманчивы. Вот и опять... Ждет нас экономика мобилизационного типа, приоритет, разумеется, «оборонка». Сотрудничество с сомнительными режимами по всему миру. Милитаризация госидеологии. Серый цвет, пятиэтажки, «заказы» к празднику. Больше ничего. «Наш президент» еще на две недели. Ну на год. Мумия до 2000-го. Загранпаспорт я делать не буду из предубеждения против очередей и бюрократических процедур. Ужас, ужас...»

Вот такие были у ровесников настроения.

На этом фоне «Ленинград» с его ретроаффектацией казался нелепым курьезом из дореформенного прошлого, поделом канувшим в Лету вместе с горе-панегириком из дурацкого журнала Show.